

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 111

О.Д. Аганов

МЕТАФИЗИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Основная интенция статьи направлена на выявление метафизических оснований процесса интерпретации и понимания. Обнаружение метафизики интерпретации идет путем реконструкции позиций онтологического, гносеологического, философско-антропологического и социально-философского подходов к данной проблеме. Автор показывает, что конституирование интерпретационных практик исходит из бытия человеческого рода как одной из сил сущего, стремящегося путем истолкования создать круг понимания, благодаря чему происходит фундирование человека в мире.

Ключевые слова: интерпретация; круг бытия; круг понимания; интеллигибельность; личность.

Проблема интерпретации сегодня – это проблема, стягивающая вокруг себя целый комплекс вопросов, связанных с непосредственным бытием человеческого рода. *Онтологический аспект*, задающий проблематику заявленной темы, фундирован пониманием онтических, бытийственных оснований всех вопросов теории познания, философской антропологии, социальной философии, аксиологии. Вопрос о бытии, о его смысле есть, в том числе, вопрос об интерпретации бытия. Вся история философии и науки есть вопрошание и смысловая реконструкция бытия, в рамках которого мы уже есть. Иными словами, история философии – это фундаментальная аналитика бытия, ее истолкование и освоение по «контурам» обозначенных смыслов (устремлений). Более того, по М. Хайдеггеру, «философия есть универсальная феноменологическая онтология, которая, исходя из герменевтики присутствия, как аналитика экзистенции закрепила конец путеводной нити всякого философского вопрошания в том, из чего оно возникает и во что оно отдает» [1. С. 56].

Гносеологический ракурс проблемы интерпретации определяется тем, что для современной философии все более насущным и значимым становится стремление соотнести абстракции, категории, систему рассуждений и обоснований с самим человеком – чувствующим, мыслящим, познающим, действующим – в целостности всех его ипостасей и проявлений. Гносеологи оказались в ситуации необходимости формирования целостной философии познания, с позиций которой субъект познавательной деятельности – «это субъект интерпретирующий, поскольку его существование и деятельность разворачиваются не просто в объективной действительности, но в мире созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни». Очевидно, отмечает Л.А. Микешина, что сущность интерпретации не исчерпывается ее операционально-методологической природой или истолковывающей тексты деятельностью, но выходит в сферу фундаментальных основ познания и бытия. Интерпретация, за которой всегда стоит субъект, задающий и считающийся смыслом, выдвигающий предметные гипотезы, объединяет в себе элементы бытийно-экзистенциального подхода, предполагающего как обладание внутренней свободой, так и укоренность в культуре и социуме, а также собственно когнитивные – гносеологические, методологические и герменевтические – аспекты [2. С. 81].

Однако, как правило, онтологический и гносеологический подходы игнорируют социальное бытие, бытие человеческого рода. Мотивы и способы аргументации подобной теоретико-методологической позиции разнообразны, но они все же образуют устойчивую традицию и связаны со следующими положениями, главное из которых состоит в том, что социальная философия антропоморфна и антропоцентрична, говорить всегда с позиций существования человеческого рода в пространстве и времени. Но поскольку позиции человечества в сущем неопределенны и неустойчивы, то его существование не может выступить гарантом истины. Результатом вытеснения человеческого является рассмотрение его как некоего фактора, «вводимого» в систему физических, химических, биологических отношений «из вне». Иными словами, сторонники борьбы с антропоморфизмом впадают в радикальный редукционизм, уничтожающий любое упоминание «о человеческом, слишком человеческом». Устранение человеческого рода, человечества ведет к натурализму, технократизму, операционализму, структурализму и прочим *антиантропологическим* дискурсам.

Наша позиция исходит из убеждения в том, что онтология и гносеология невозможны без признания человеческого рода одной из сил сущего, силы, изначально входящей в структуру бытия. Другое дело, что сила (мощь) человеческого рода разворачивается в пространстве-времени сущего, нуждается в конституировании и развитии. История человеческого рода – это история обретения, созидания, трансляции и расширения (а иногда и горьких потерь, сужения) собственных сил и сил природы. Подчиняя и подчиняясь, познавая и осваивая, углубляясь и поднимаясь, распространяясь в сущем человеческий род становится все более влиятельной силой бытия.

Разворачивание человеческим родом сил сущего (как своих, так и иных – божественной и природной) – факт, на наш взгляд, неоспоримый. Мыслить бытие без образа человечества как единого трансцендентального субъекта созидающего свои/иные силы нельзя. Мыслить иначе – значить сознательно редуцировать реальность бытия до простейших элементов без надежды вновь обрести целостность и системность. Борьба, столкновение, игра сил, сложность и синергия бытия уступают в редукционизме место моделям и схемам. Бытие, главным феноменом (чудом) которого является жизнь (во всех ее ипостасях), в подобном деконструи-

рованном взгляде остается за кадром и воспринимается как симулякр, пустое и ненужное понятие. Таким образом, главная опасность, существующая поныне в рамках позитивизма, состоит в «умалении» бытия. Но бытие обладает полнотой, данной как игра сил. *Со-бытие* бытия есть сингулярность, обладающая синергичной мощью, превосходящей силы отдельного рода сущего.

Каждая из сил сущего в своей неоформленности есть стихия, образующая в совокупности хаос сущего. Между силами сущего есть игра/борьба за доминирование. Мы знаем и о натиске стихии жизни, способной, как кажется, проникать всюду, толща жизни потрясает воображение. Биосфера имеет большой пространственно-темпоральный и температурный диапазон (биогеоценозы). Мы также знаем и о многообразии косной материи, строении Вселенной, и структура атома до XX в. казавшегося неделимым поражают. Нельзя умалить и умолчать и мощь человеческого рода, способного осваивать и укрощать стихии в определенный космос. Однако все выявленные силы сущего несводимы друг другу, часто губительны друг для друга. Так, косная материя «пожирает» жизнь, жизнь преобразует материю, человеческий род осваивает и то, и другое, неся в себе оба начала и давая исток чему-то большему, несводимому ни к одному из начал.

Указание на многообразие сил сущего образующего конфигурацию бытия, выводит нас на проблему Бога, божественного. Пройгнорировать тему постановки участия/неучастия Божественной силы и воли невозможно, ибо само понимание бытия как сингулярности задает максимально широкое поле для своего осмысления. Поэтому ресурс понимания, накопленный в контексте религиозной рациональности постичь бытие Бога, должен быть нами раскрыт и реализован. Тем более, что религиозная традиция понимания Бога и экзегетического истолкования актов его воли несколько не умаляет развитие иных форм рациональности, скорее укореняет их, указуя на их подлинное значение, место и роль. Обращение к Богу требует от нас максимального внимания и осторожности, поскольку само постижение концепта Бога, его усвоение может быть пантеистическим, деистическим или христианским (живым). Наиболее полное раскрытие божественной природы, ее ипостасей дано, по нашему убеждению, в христианстве, где Бог предстает как жизнь, всё бытие которого есть **общение**. Греческий богослов-философ И. Зизиулас пишет, что святые отцы Православной церкви (святые Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский) создали альтернативную античной онтологию, которую можно выразить следующим образом: «Бытие Бога может быть познано только через личные взаимоотношения и любовь к конкретному лицу, т.е. бытие означает жизнь, а жизнь означает общение» [3. С. 10].

Итак, многообразные силы сущего образуют **круг бытия**, где каждая из сил обретается в ритме общения, живет отдавая себя в другой, даруя и воспринимая, образуя синергию бытия. Круг бытия есть круг дарения и общения. Воплощаясь, друг в друге силы сущего создают и умножают бытие, сообщают ему качество реальности, плотности (связи, отношения, иерархии).

Сила человеческого рода аккумулируется **вокруг и в** смысле. Неслучайно сила и толк в русском языке сино-

нимичны. В частности, в словаре В.И. Даля понятие толк/смысл определяется как 1) «способность понимания, постижения (мира); способность судить, делать заключения; 2) толк, разум, польза, сила [4. С. 435]. Иными словами, человек истолковывая/интерпретируя, придавая или открывая в чем-либо смысл, одновременно находит некую пользу и толк, обретает благодаря смыслу определенную силу, мощь, возможность. Сила человеческого рода воплощается в смысле, а следовательно, воплощается через слово (языке). Думается, проделанный выше анализ предубеждений, связанных с редукцией проблемы бытия к материи или исключением человеческого рода из сил сущего, дает нам возможность обратить пристальное внимание на сам феномен интерпретации.

Признание человеческого рода в качестве одной из сил бытия ставит вопрос о целях его существования в круге бытия. Круг бытия благодаря присутствию человечества обретает интеллигибельность. Человеческий род, его появление, есть, по нашему убеждению, та «молния смысла», о которой писал в работе «Самое само» русский философ А.Ф. Лосев. Безусловно, появление человека на фоне мира есть «вспышка мысли на темном фоне абсолютной самости» [5. С. 519].

Явление человека, мысли, слова – есть начало различия, *отличности* одного момента от другого, требующего постоянного удостоверения в реальности моментов, в факте их существования, т.е. требует, по мысли А.Ф. Лосева, категории бытия, являющейся самой большой тайной, обоснованной всем нашим знанием и выступающей обоснованием, определяющим все наше понимание мира, места и роли в нем человеческого рода. Тайна бытия зашита в бытии человеческого рода, поскольку благодаря вспышке смысла самое само сингулярности превращается «в живое и неиссякаемое лоно бесчисленных смысловых возможностей, в ту бесконечно плодородную и тучную почву, в которую попадает первое зерно разума – категория бытия. Из взаимоотношений с этой бездной возможностей категория бытия породит и все прочие категории разума». Бытие оттеняет небытие, сознание высвечивает глубины бессознательного, порядок указывает на хаос. Однако развитие бытия идет путем как трансценденции *во вне*, так и трансценденции *во внутрь*. «Бытие вечно раздваивается, дифференцируется, и оно же вечно превращается в единство, интегрируется. В этой борьбе различий и отождествлений и состоит вся реальная жизнь разума и бытия», – пишет А.Ф. Лосев [5. С. 525]. Другой русский философ С.Л. Франк, размышляя о развёртывании бытия, указывает на трансцендирование вовнутрь, вглубь или к основе, через отношение к которой непосредственное самобытие обретает недостающую ему как таковому объективность» [6. С. 556].

Таким образом, круг бытия есть поле понимания, *металогическая* реальность, доступная нам только в истолкованиях. Реальность, перед которой человек может только предстать, предпринимать, своим разумом превосходить ее смысл и значение. Именно поэтому наше, пусть частичное и ущербное, но все же «знание о незнании», есть предзнание целого, или антиципирующее, предвещающее обладание тем, что потом будет нам дано в развернутом (всегда, впрочем, только «полуразвернутом») виде [6. С. 325].

Бытие как круг понимания допускает бесконечное количество модусов своей собственной данности, что естественно влечет за собой признания правомочности бесконечного количества интерпретаций. А.Ф. Лосев утверждал, что каждая интерпретация дает возможность ощутить ритм бытия. Именно в интерпретации создается символическая реальность, соединяющая в одно целое множество пластов сущего, дающее им возможность показать себя, стать явленными, феноменальными. Представленность и *показ*, воплощенный образ мира – вот суть интерпретации, опираясь на которую и конституируется взаимообитие людей, их конкретно-преобразовательная деятельность. Всякая интерпретация создает символ как актуальную бесконечность, или размеренность, явленный как предел бесконечного ряда последующих интерпретаций. Познавая мир, мы одновременно устанавливаем его в той конфигурации, которую затем и будем осваивать, опираясь на понимание, полученное в процессе интерпретирования, в процессе соотнесения в одно (символ – смысл), в процессе выявления единства или духа данной нам в эмпирии хаотической реальности.

Итак, самоценность интерпретации состоит в манифестации бытия человеческого рода (в пределе), в манифестации бытия каждой личности. Начать интерпретировать – подать заявку на личностное бытие. Смысл интерпретации состоит именно в факте ее наличия и развертывания, ибо для каждого из нас момент осознания себя интерпретатором означает *факт* бытия в бытии и *событие* удостоверения собственной самости.

Для нас принципиальным является тезис А.Ф. Лосева о том, что «интерпретирующая деятельность человека условна, шатка, гипотетична, капризна, но она есть отражение абсолютных энергий “самого самого”. И в этом гарантия их осмысленности и правды» [5. С. 475]. Каждый аффект, каждая энергия, каждый момент нашего бытия имеют значение, смысл и предметность, несущие нам, открывающие нам мир и наше положение в нем. Интерпретация, создавая символическую реальность, создает ситуацию двувекторного движения – трансцендирования во вне и во внутрь, способствуя укоренению человека в круге бытия, обретению в нем более четкой позиции, идентичности. Образующиеся в актах интерпретации структуры и модусы сознания, конфигурации социальных отношений определяют поведение человека как субъекта, задают характер взаимообития людей, изменяют темп и ритм существования социальных институтов, способствуют изменению социокультурных ориентиров и ценностей. Истолюкующим, стремящимся понять предстает человек перед другими и самим собой.

Интерпретация есть способ бытия интеллигенции, способ существования человеческого рода в модусе интеллигентности или сознания, в модусе смысла (имени, слова). А.Ф. Лосев в своей фундаментальной работе «Философия имени» именно с понятием интеллигенции/интеллигентности связывает бытие человеческого рода в качестве субъекта истории, деятельности, культуры. Он убежден, что «субъект – сам нечто происшедшее и образовавшееся из другого, более универсального источника и ни как не может являться абсолютной инстанцией и критерием» [5. С. 101].

Человеческий род, каждый человек становится субъектом только в плане отнесения к металоогической реальности, отнесения к абсолютному, трансцендентному. Сама интеллигенция есть диалектическая реальность, все бытие которой составляет становление живой и самоощущающей, самосознающей сущности имени. В интеллигенции выделяет четыре момента: 1) *сверхинтеллигентный*, момент единства, являющейся «источником всякой и всяческой жизни изучаемой сущности и всех ее судеб, экстатическую сведенность всей интеллигенции в одну неразделимую точку;

2) *эйдетический* или собственно интеллигентный, реализующий себя как абсолютное самосознание, выявляющее и открывающее «первый момент, выражающее всю его глубину и сущность»;

3) момент, *пневматический* (самосознающую и самоощущающую пневму), данный как абсолютная творчески-волевая жизненность, «ибо жизнь есть неумолчное, непрерывное становление и изменение, движение и обновление»;

4) четвертый момент, *меонально-сущностный, интеллигентно-соматический, софийный*, или ещё конкретнее – личность;

5) пятым моментом развития сущность является момент символический воплощающий себя через слово, в речи/языке, где символ становится живым существом, действующим, говорящим, проявляющим себя во вне. Это демиургический момент имени, залог и основа всех возможных актов мысли, воли и чувства [5. С. 101–102].

Столь сложная архитектура интеллигенции, начертанная А.Ф. Лосевым, позволяет преодолеть разрозненность ликов интерпретации в каждом из философских учений, школ, направлений и движений, ибо при соотнесении с концепцией интеллигенции они показывают свою ограниченность. Иерархия интеллигенции есть, познавательная иерархия жизни, все становление которой есть стремление «от жизненно-животного самоудовлетворения организмов в умно-сердечному и экстатическому самоутверждению себя и всего иного в одной *сверхбытийственной* точке». Сущность, ставшая символом (интеллигенцией), осуществляет себя как демиургическую энергию имени, превращаясь в живое существо (миф), в силу чего становление бытия есть диалектика мифа. Более того, мифический момент имени есть вершина (достигнутая *экстазисом*) «диалектической зрелости имени, с которой видны уже все отроги, расходящиеся отсюда по всем сторонам» [5. С. 104–105].

В понимании сущности А.Ф. Лосев опирается на энергетическую парадигму (паламизм), где методологически различают энергию сущности и саму сущность. Энергия сущности действует в «ином» по действию, а не по эссенции познается. Изучая действия энергии, мы изучаем ипостась сущности, которая именно через энергетические формы и становится интеллигентной, принципиально познаваемой. Интерпретация «живёт» между *моментами интеллигенции*, устанавливая особое пространство и время, где возможно усмотреть и воплотить смысл (по мере сил). Все что создается во время интерпретационной деятельности (смысл, личность, миф) также энергично и требует всегда для сво-

его осуществления возобновления интерпретационных практик. Например, личность бытийствует энергийно-демиургически, создавая тем самым прецедент *события сознания*, стяжая вокруг себя силы сущего, преобразуя их в круг бытия, в определенную *человекосоразмерную* форму, где становится возможной умпостигаемая практика жизни, культура.

В *онтологическом* плане интерпретация обретается между небытием и пребыванием, где и небытие и пребывание обозначают металогическую реальность. Однако пребывание невозможно без действия интерпретации, ибо именно в многообразии интерпретационных практик конституируется бытие, оформляются субъекты развития бытия, своими идеями и действиями по их претворению умножающими структуру бытия, делающими ее не просто к игре сил, их механическому изменению, а к имманентному развитию.

В *гносеологическом* аспекте интерпретация образует познавательную иерархию движения от точки интуиции до точки сверхинтеллигенции, представленной как развернутость, как *пневмо-софийно-демиургический предел* личности, (пред)стоящей перед металогической реальностью бытия как непосредственного самобытия. Различие между точками кардинально и может быть выражено как отличие между предпониманием и пониманием.

В *философско-антропологическом* смысле интерпретация составляет ход глобальной экзистенциальной трансценденции/трансгрессии человеческого рода, полюсами которого являются до- и пост-история, где история есть, прежде всего, процесс становления и развития интеллигенции, развития субъекта истории, всеми своими силами пытающегося установить себя в круге бытия, в круге общения.

В *аксиологическом* формате интерпретация конституируется между ценностями различного порядка, между теоретическими, эстетическими и этическими установками сознания. Главная задача интерпретации в сфере культуры состоит в выявлении *символа/смысла/идеи* культуры, определяющего развитие ее субъекта до более зрелых форм (цивилизация). Наиболее полно энергийная сторона интерпретации воплощается здесь в поступке, в жизни как *по-ступлении*, устанавливающей иные формы бытия.

Интерпретация в *социально-философском* плане предстает как воплощенная манифестация бытия личности/бытия личностей, направленная на обретение идентичности, возникшей в результате игры сил сущего сингулярности, создание более или менее определенного социума, формации.

В *метафизической ипостаси*, вбирающей интенции онтологического, гносеологического, философско-антропологического и социально-философского подходов/подступов, интерпретация есть движение от *немоты сущего* до молчания бытия. Интерпретация есть развитие интеллигенции от точки своего зарождения до точки своего предела. В этом плане процесс интерпретации металогичен и апофатичен. Интерпретация идет от одной непостижимости к другой, от *чувства* абсолютности/тотальности бытия к *сознанию* его абсолютности/тотальности. Метафизика интерпретации, по нашему глубокому убеждению, образует вершину развития интерпретации, с высоты которой только и возможно увидеть всю сложную архитектуру, произведенную делом интерпретации. В конечном итоге, сущность интерпретации состоит в процессе подготовки (предстояния) и вхождения/возвращения в круг богообщения, в круг спасения от смерти, одиночества, небытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2003.
2. Микешина Л.А. Философия познания: диалог и синтез подходов // Вопросы философии. 2001. № 4.
3. Зизиулас И. Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви. М., 2006. 358 с.
4. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 2.
5. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М., 1999. 1024 с.
6. Франк С.Л. Сочинения. Минск, 2000. 756 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 1 марта 2010 г.